

Юйчи Юаньюй, Юйвэнь Ху и ещё несколько человек инстинктивно сделали шаг назад, но увидели, что Се Юнь остался стоять на месте. Прямо глядя на усмехающийся взгляд из-под маски Инь Кайяна, он без выражения произнёс.

— Традиции Скрытых врат, помимо предательства наставников и предков, включают ещё и специализацию на шаманских плясках, не так ли, глава Инь?

Инь Кайян не ответил.

— Скрытые врата, некогда хранившие верность Сыну Неба, уже давно самовольно покинули столицу, не только превратившись в речных и озёрных разбойников, но и дерзко присвоив себе непочтительное название «Врата Духов и Призраков». Уже одно это достойно казни. А теперь, едва Вашему Величеству приснился сон, как вы появляетесь. Спросите сами у всех сановников в этом зале: какая ещё причина, кроме проделок Скрытых врат, может объяснить сон Вашего Величества?

Эти слова вызвали у сановников единодушное одобрение, императрица У слегка кивнула, даже император на мгновение не нашёл слов для возражения.

Однако Инь Кайян с улыбкой покачал головой, поднял руку и указал в сторону Се Юня.

— А Юнь, кроме этих четырёх слов «притворяться богом и пугать духом», тебе, похоже, больше нечем меня обругать.

Длинные брови Се Юня дёрнулись.

— Но у Скрытых врат, помимо пугания духами, есть и много других способов...

Инь Кайян сделал паузу, и в глубине его глаз за маской вдруг мелькнула призрачная белая вспышка, подобная холодной звезде в небе, мимолётному отблеску света, зловеще отразившемуся в зрачках Се Юня.

— Вот это и есть истинные приёмы Скрытых врат. Похоже, тебе действительно стоит освежить их в памяти, а потом хорошенько подумать, стоит ли постоянно цепляться за сон и противостоять Скрытым вратам...

Последний звук в ушах Се Юня бесконечно растянулся, подобно демонической ноте, вонзающейся в сознание, и эхо долго не стихало.

Се Юнь не издал ни звука, не сделал ни движения, но если бы кто-то наблюдал внимательно, то заметил бы: в тот миг, когда в глазах Инь Кайяна вспыхнул тот свет, зрачки Се Юня, смотревшего на него, внезапно расширились.

Все звуки и краски в тёплом кабинете превратились в водоворот, с рёвом умчавшийся прочь.

Колеблющиеся тени людей погрузились во тьму, бездна рванулась навстречу из-под ног; Се Юня словно невидимая гигантская рука схватила и швырнула вниз. В иллюзии бесчисленные картины мелькали причудливо и хаотично, поднимаясь из могил памяти.

— Приёмы Скрытых врат.

Двадцать лет назад, на пустынном травяном склоне, Инь Кайян, стоя на одном колене, свысока с тем же холодным и насмешливым блеском в глазах.

Ребёнок сжался за стогом сена, едва прикрытый потрёпанной ватной курткой с вылезавшей подбивкой. Его лицо посинело и покраснело от ледяного ветра, крошечные руки, покрытые обморожениями, сжаты в кулаки и плотно прижаты ко рту, чтобы с трудом сдерживать дрожащие рыдания.

Сквозь щели в сухой траве он видел, как некогда непоколебимый наследный принц Чэнцян с удавкой из белого шёлка на шее, его лицо багровело, чернело, руки и ноги судорожно дёргались, словно от удара током, но все попытки борьбы были тщетны.

— Я... я же... Небесной судьбой предназначен...

Инь Кайян покачал головой под умирающим взглядом наследного принца, словно находя это одновременно смешным и жалостливым.

— Нет, наследный принц, ты никогда им не был. Издревле традиция Скрытых врат — выбирать предназначенного Небесной судьбой и поддерживать его, дабы заслугой возведения на престол завладеть величайшей властью в мире. Но по сравнению с князем Цзинь и князем Вэй, ты, как наследник престола, вообще не входил в круг моего рассмотрения...

Ли Чэнцян выпучил глаза — почти до предела, на который способны человеческие глазные яблоки. Горло издавало хриплые звуки, из глазниц, ноздрей и ушей одновременно хлынула кровь — зрелище, словно демон, вылезший из ада.

— Ты... злой... дух...

— Я ещё не достиг уровня, чтобы по-настоящему называться злым духом.

Ли Чэнцян уже не мог издавать никаких звуков, его почерневшие губы беззвучно шевелились, глаза затянула паутина ярко-красных кровяных прожилок, не отрываясь глядя вперёд. Под этим взглядом Инь Кайян наконец выдохнул — это напоминало вздох сожаления, — а затем руки, сжимавшие шёлковую удавку, резко дёрнулись.

Хруст!

Хруст сломанной шейной кости, тело Ли Чэнцян застыло, затылок тяжело, безжизненно шлёпнулся о землю.

Он умер.

Наследный принц, престолонаследник Поднебесной — и вот так, на пустынном травяном склоне в десяти тысячах ли от столицы, завершил свою жизнь.

Инь Кайян глубоко вздохнул и поднялся, отряхивая пыль.

Его вид был столь беззаботен, словно он только что допил чай и прогулялся, без малейшего ощущения, что только что убил человека.

При его движении ребёнок за стогом в ужасе отполз на полшага, изо всех сил стараясь не издавать ни звука, надеясь воспользоваться моментом, чтобы развернуться и украдкой убежать. Но он ещё не успел пошевелиться, как Инь Кайян, словно с глазами на затылке, вдруг обернулся и произнёс.

— Стой.

В его голосе скрывалась внутренняя сила, и колени ребёнка немедленно подкосились.

Инь Кайян подошёл, раздвинул траву и удивился.

— Такой маленький?

Этот столь юный и истощённый ребёнок полусидел на коленях, прячась в мягкой густой сухой траве, по размеру действительно не отличаясь от крольчонка. Инь Кайян сначала предположил, что ребёнку за стогом лет десять, но теперь, увидев, тоже немного удивился, пробормотав.

— У наследного принца вкусы... действительно...

Он явно понял всё превратно, но ребёнок не уловил смысла, дрожа пополз ещё на два шага назад.

— Иди сюда, — Инь Кайян поманил его, добродушно сказав:

— Не бойся, я сделаю тебе быстро.

Ребёнок резко вскочил и бросился бежать прочь!

В мгновение ока Инь Кайян протянул руку и точно схватил ребёнка за загривок, словно подбирая крольчонка, и, не обращая внимания на сопротивление, потащил обратно. Пальцы слегка сжались, и вот-вот должны были легко переломить эту тонкую шейку.

Для Инь Кайяна это действительно было бы проявлением милосердия: если бы ребёнок не сопротивлялся, тот миготом отправился бы на тот свет, так быстро, что даже не почувствовал бы боли.

Но в этот момент ребёнок наконец в крайнем страхе и отчаянии издал крик.

— Спа... спасите!

— Мама! Ма-а-а!

Грохот...

На самом деле звука не было, но в ушах Инь Кайяна в тот миг раздался не меньше чем грохот.

Тело ребёнка внезапно застыло, но по каналам и меридианам его конечностей вдруг вырвалась невообразимо огромная внутренняя сила. Затем небесно-голубое сияние прорвалось сквозь потрёпанную ватную куртку, на поверхности кожи сконцентрировалось в слои сложных узоров, стремительно распространившись со спины на руки и шею, и даже мгновенно пронзило пальцы Инь Кайяна, сжимавшие загривок ребёнка!

Выражение лица Инь Кайяна резко изменилось, словно его обожгло, и он разжал руку.

— Мама! — ребёнок упал в стог сена, корчась и крича:

— Мама, спаси меня! Мама!

Инь Кайян взглянул вниз: его пальцы были разорваны в клочья, кровь струилась по линиям ладони, а в ранах ещё слабо мерцал ужасающий голубой свет!

Но он не обратил на это внимания, опустил на одно колено и пристально уставился на непрерывно бьющееся и сжимающееся тело ребёнка. Распространяющиеся татуировки-тотемы постепенно обретали форму: оленьи рога, усы, борода, под подбородком — жемчужина. Действительно формировался ещё не выросший детёныш дракона!

— ... Неудивительно, — тихо произнёс Инь Кайян. — «Обретший Лазурного Дракона обретёт Поднебесную». Ли Чэнцян, не оставивший надежд на возвращение с Восточных гор, сумел таки найти маленького Иньтяньцина...

Пронзительный крик ребёнка постепенно становился хриплым и тихим, всё его тело лежало ничком в траве, почти без сил для последних конвульсий.

В этот момент стоило лишь слегка протянуть руку, всего один раз, чтобы легко отправить этого юного Лазурного Дракончика на Запад. Но Инь Кайян долго не двигался, лишь спокойно смотрел на безжизненное маленькое тельце. Наконец он протянул руку, но поднял ребёнка на руки, развернулся и зашагал прочь с пустынного травяного склона.

Труп Ли Чэнцяня с широко раскрытыми глазами остался далеко позади них.

В ледяном ветре последний луч заходящего солнца скрылся за горизонтом, пустошь была безлюдна, сухая трава разлеталась, длинная зимняя ночь взмахнула крыльями, постепенно окутывая землю.

Ребёнок слегка приоткрыл глаза, спустя долгое время рассеянный взгляд постепенно сфокусировался, потрескавшиеся губы с усилием раскрылись несколько раз, и наконец едва слышно, хрипло прозвучало.

— ... Кто ты?

— Куда ты меня ведёшь?

Инь Кайян вскочил на коня, плащ взметнулся и опустился. В сумрачном небе в глазах этого мужчины мерцал призрачный белый свет.

Каждая деталь той сцены была настолько яркой, глубоко врезавшись в память ребёнка, что даже двадцать лет стирания временем не смогли её потускнить, и она вновь и вновь повторялась в бесчисленных ночных кошмарах.

Это было началом всех последующих бесконечных ужасов и судьбы, полной скитаний и невзгод.

— В ад.

<http://bllate.org/book/15578/1387324>